

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ИЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЯ...

- 1 -

КНИЖНАЯ КОМНАТА.

Мы выбрасывали КНИГИ... При чем тут Мы? Мы – это вообще не из моего лексикона. Ещё вчера я с завидной уверенностью объясняла, что моё Я – это не эгоизм и не эгоцентризм, а ощущение ответственности, очень личной ответственности, за всё к чему я прикасаюсь, ко всему, что я создаю и делаю. Моя семья, мои дети, моя работа... И вдруг... трусливое Мы? Я выбрасывала КНИГИ! Не сжигала, не рвала, не портила... я просто выбрасывала. Вяжущий привкус пыли, ветхость, запах сырости, шершавые руки, от забившейся во все поры книжной пыли. Отвергнутые книги цеплялись за мою одежду, легкие, стесняя дыхание, высушивая слизистые рта, глаз, носа. Они отчаянно сражались...

Я проводила селекцию своими руками... У меня не было выхода... Кроме меня было никому... Я должна была за очень короткий срок отобрать и собрать все вещи, накопившиеся за сорок лет в этой квартире, после бабушки с дедушкой, после папы, всё сохранённое мамой, да и нами, по малодушию. Детские рисунки, одежда, сентиментальные памятки, оставленные нами двадцать лет назад, в надежде, что они исчезнут сами по себе, испаряться, растворяться не на наших глазах, не под нашими руками...

Книги никак не хотели входить в моё положение... Они пускали пыль прямо мне в глаза, выпадали из аккуратно составленных стопок на вынос, бесстыдно распахивались на самых ярких своих страницах, соблазняя, напоминая, стыдя. Они цеплялись за своё место, за своё право на существование и у них не возникало ни тени сомнения, что это право у них есть. Они не сомневались, что в моём сердце у них есть все права, за выслугу лет, за мысли, за вопросы, за доверие, за преданность, за опыт... Они были правы, вот только у меня не было выбора.

Формально это были не мои книги. Мои книги ждали меня в нашем доме за сотни тысяч километров отсюда. У них были свои полки, стеллажи, целые комнаты. Пока я жива, их существованию ничего не грозило. Они были под моей неусыпной защитой и любовью. Мои книги, самые верные друзья, самые интересные собеседники... В родительской библиотеке были их двойники, были книги, попавшие на полки случайно, были те, которые никогда не привлекали и не привлекут моего внимания, были книги дорогие сердцу мамы, папины медицинские, устаревшие и не имеющие на сегодня реальной ценности, были собрания сочинений (никогда не любила собрания сочинений — это убивало и интимность выбора, и прелесть открытия. Да ещё и напоминало о скупщиках книг по цвету, для интерьера... приметы бывшего советского), были именные, подписанные на память авторами, были, были... Книги!

— Может возьмёшь эту? Ты же любишь её.

— Но у меня она есть. Зачем мне две одинаковых книги?

— Подаришь кому-нибудь...

— Дарить книги? Сегодня?

Мы последнее поколение, ещё почитающее родителей, но уже учащееся у собственных детей. Для нас самое важное хоть как-то сохранить свой мир, мир сидящих на заборе: одна нога в прошлом, а другая в будущем... Проклятое образное мышление — этот забор разрезает меня пополам и от меня остаётся пустое место...

Я своими руками должна отделаться от того, что мне дороже всего! Сама решить кому ещё немного пожить, а кому нет. НУ войдите в моё положение!

Время стремительно несется вперёд, мама убегает в сон, а я пытаюсь спрятаться за бездушной деловитостью: эту книгу в багаж, а эту — отдать, ещё один ящик готов для пересылки, ещё стопка для переноса в папину клинику — оттуда их и будем раздавать, отдавать, дарить...

Вот и сейчас, справа высится высотка из книг счастливых, которым продолжать с нами быть, а слева такого же размера — на вынос. Поднимаю их двумя руками, одним махом, они упираются мне в подбородок, но не успеваю сделать и шага, как замечаю пожелтевший листок, исписанный знакомым почерком, вылетающий из одной из книг.

Немного покружив в воздухе, он доверчиво приземляется прямо у моих ног, слева. Сердце почему-то начинает колотиться в груди, то ли предчувствуя какой-то подвох, то ли боясь очередной провокации – в этой борьбе за право на жизнь, книги способны на всё. Глядя сверху прочитать невозможно. Медленно опускаюсь на корточки, пытаюсь балансировать, крепко прижимаю подбородком книги на вытянутых руках, еще пару сантиметров и я смогу рассмотреть написанное, но книги... Уловив, что мое внимание переключилось на листок у ног, они с завидным проворством выпрыгивают из моих рук и с характерным только для них шумом, бросаются в рассыпную, при этом, явно намеренно, разбивая аккуратную стопку книг справа. Вокруг меня настоящий развал книг, и из тех, кому повезло и из тех, кому нет. Они отводят глаза, как нерадивый ученик, пытающийся не встретиться с пытливым взглядом учителя: кто сейчас пойдёт к доске? Как зритель, пришедший повеселиться и поглазеть, а оказавшийся перед пристальным взглядом ведущего: Не хотите ли выйти на сцену, например, Вы? А скорее, как неудачливый солдат на децимации, вся вина которого в том, что он десятый, крайний и быть ему казнённым по жребию: один, два, три... Главное, не смотреть в глаза...

Оглядев развал и неразбериху вокруг себя, даже чертыхнувшись с досады, я поднимаю с пола небольшой, размером с ладонь, истощённый временем листок... почерк моего дедули.

«Сонюсь! ты сладко спала, не хотел тебя будить. Пусть Фира купит газету. Целую я»

И всё... Перед глазами возникают другие, далёкие отсюда места, образы: небольшая спальня, где мирно спит моя бабуля, подложив под щёку сложенные ладони, дедуля, поправляющий галстук и целующий её перед уходом на работу, почему-то я, лет десяти... «Позавтракаем вместе?» Мы сидим вдвоём на крохотной кухне, запах кофе, вкус бутербродов, дедуля рядом... ещё совсем немного и это волшебное мгновение исчезнет... В добрый час, дедуля! – Хорошего тебе дня, Любчина! Можно ещё поспать часок – каникулы – шесть утра... Но нельзя пропустить эти десять минут на кухне, десять минут счастья... Записка написана лет на сорок позже. В другой стране, в другой квартире, меня там не было... просто перед глазами всплыло другое утро, потянуло за собой дни, вечера, всколыхнуло память и грозило потопить в океане воспоминаний, мыслей и грусти.

Им удалось пробить мою броню...

— ТАК ты решила меня переубедить, плутовка? – усмехался мой довольный папа, когда, отчаявшись, я подсовывала ему книгу, в подтверждение своих слов или идей. – Сдаюсь! Твоя взяла!

С какой бы радостью я сейчас сдалась бы на волю победителей, взяла бы все эти книги в охапку и с собой, к себе... Они застыли в ожидание, устремив на меня свои умоляющие, требовательные взгляды, они ждут моего вердикта.

— Я передам вас в хорошие руки! Я приложу все усилия! Постараюсь, но сейчас мне надо привести тут всё в порядок: эти в багаж, а эти отдать!

Я оценила ваш отчаянный шаг, эта записка выбила меня из колеи, мне страшно и больно ни меньше вашего, мы квиты... Кстати, откуда она взялась?

Опять сортирую книги: эти в правую, а эти в левую, переставляя запятую: *казнить, нельзя помиловать* — *казнить нельзя, помиловать*. Эта книга у меня уже есть, я купила её в память о бабуле – она была одна из её любимых и мне захотелось иметь такую же в своей

библиотеке. У меня её копия... так вот откуда выпала эта записка? Её держали руки моей бабули... в её строки вчитывались её глаза ...

«Сонюсь! ты сладко спала...» — ладно, на месте разберёмся – поедешь со мной, в багаж...

Поток любителей книг на удивление мелок... Толпа не получается. Аккуратно сложенные в бывшей папиной клинике стопки книг, как рабы на невольничьем рынке, ждут своей участи. Я с надеждой заглядываю в глаза каждому, кто проявляет к ним хоть искру внимания.

Распознать настоящих ценителей книг сегодня практически невозможно. Это раньше, мы узнавали друг друга издали, а сейчас... Книжки все на русском языке, не в своей языковой среде, на окраине города, погружающегося в сумрачный свет веры... Друзей – единомышленников у мамы много, но их дома так же переполнены и часто теми же книжками, у которых нет будущего... Мы последние хранители, те что на заборе... Да и те порой сдаём позиции — читаем электронные версии. Тактильные, зрительные ощущения от книг исчезают, текст на экране пролетает как пейзаж за окном скоростного поезда... хотел бы вернуться и пересмотреть, перечитать, да где оно? Все странички с одной стороны, безликие, лишённые прикосновения, запаха, даже маленьких, едва заметных дефектов самой бумаги, почему-то отпечатывающихся на памяти. Погружение в чтение – один из самых интимных моментов жизни, а экран ридера безличен, да и подключен ко всему свету...

Каждого, приходящего за книжками, я поначалу оставляю с ними наедине, предоставляя книжкам самим предстать перед возможным будущим владельцем, читателем, другом. Я не сомневаюсь в их возможностях и талантах. Если человек задерживается дольше десяти минут, я с чувством благодарности, осторожно заглядываю в комнату. Если процесс в самом разгаре и отложенных книжк достаточно много, я незаметно исчезаю, не желая мешать и сердце моё переполняется любовью и покоем... я ведь обещала, что передам в достойные руки. Порой, заглянув внутрь, я замечаю растерянность или сомнения и тогда я начинаю рассказывать о тех книжках, которые мне особенно дороги, интересны. Сажусь на своего конька и забываю о времени, об обстоятельствах. Поймав себя на не совсем уместной увлечённости, отхожу в сторону, якобы по делам. Иногда, расхваленные мною книжки, исчезают вместе с посетителем и тогда мне радостно и светло, а порой я нахожу их стыдливо переставленными на другое место, отвергнутыми, забракованными, несмотря на все мои усилия, и меня переполняет грусть и досада: не получилось... прости...

Каждый уходящий из этого дома с книжкой – это целый мир. Не пройди они через комнату с книжками и не прояви себя – так и остались бы в нашем восприятии техниками, грузчиками, служащими, медицинскими, социальными работниками... Комната с развалом книжк, как катализатор, проявляющий миры, упущенные в повседневной жизни.

Мужчина в рабочей одежде приходит снять оборудование сигнализационной системы. Работа занимает пару минут и мама, уже по привычке, предлагает ему посмотреть, может быть ему что-то надо из вещей. Она ведет его к шкафу с инструментами, винтиками, гвоздиками, по дороге проходя через книжную комнату.

— А книжки вы тоже отдаёте? – спрашивает он и что-то в его голосе пробуждает мой интерес.

— Конечно, хотите посмотреть?

Оставляю его один на один с книжками, дел и так невпроворот, через пол часа вспоминаю,

что мы в доме не одни. С любопытством заглядываю в комнату с книгами и вижу гору книг, отложенных в сторону. – Жена очень любит Чехова. Вы не против, если я возьму это собрание сочинений. У вас тут два одинаковых... И ещё я бы хотел взять эти книги, можно? – в голосе и просьба и неуверенность, а у меня восторг и желание броситься на шею совершенно незнакомому человеку. Как же мы предвзяты! Как слепы, как уплощены...

— Вы позволите мне посмотреть и медицинские книги? Я занимаюсь немного мануальными техниками лечения, но мне не хватает теоретических знаний и пособий. Я здесь заметил Атласы и книги по физиологии. Вы позволите?

— Не просто позволю, а даже с удовольствием помогу.

— Как же я всё это унесу? — с неподдельным огорчением восклицает он. Я приношу ему два чемодана сорокалетней, как минимум, древности, и мы бережно перекладываем туда отобранные книги.

— Тут ещё немного места остается. Можно я посмотрю ещё, пороюсь в книгах?

И уже перед самым уходом: Мне бы хотелось прийти с женой, если позволите?

Позволю? Непременно приходите и приводите, и берите! Я им обещала в хорошие руки, к тем, кто сможет оценить.

За окнами уже давно ночь. Из квартиры каждый день что-то выносится, отдаётся, реже продаётся. Контейнер-багаж уже отправлен — его объем в два с половиной раза превысил предполагаемый первоначально, но при этом дом ещё полон вещей, а время неумолимо приближается к финишной прямой. Для мамы — это разрушение её мира, для меня... Я ненавижу опаздывать и нагонять. Я катастрофически опаздываю по срокам, я завишу от маминых настроений, я чувствую себя бессильной... Понимаю, что, если постараться и начать работать в привычном мне темпе — всё успею, но мама не выдержит, а мне главное её перевезти в добром здравии и в нормальном настрое, учитывая ситуацию. Мои дети, те у которых я учусь сегодня жить, предпочитают минимализм. Для них процесс избавления и выбрасывания всего материального привычен и прост. Для мамы и её поколения — это трагедия, равносильная смерти. Я, как всегда, посередине — оглядывая свой дом, я давно уже подумываю о том, что пора избавляться от лишнего и представляю своё облегчение при виде опустевшего пространства... Сладость мысли... Я мыслю, значит я существую!

— Мамуля, хочешь я тебе позволю выбросить пол моего дома? Я у тебя, а ты у меня...

Моё ёрничание сейчас явно ни к месту. Вот только время неумолимо... Как я всё это буду навёрстывать?

Звонок в дверь.

— Простите, что я так поздно! Я сразу после работы, но дороги забиты, еду издалека.

Гость нас отвлекает, радуется, разрезает обстановку. От этой миниатюрной женщины, с её быстрой речью и очаровательной улыбкой отходит такой позитив и свет — физически чувствую этот свет, озаряющий наше опустевшее, неумолимо погружающееся во мрак жилище.

Она приехала за книгами, издалека, после целого рабочего дня. С каким знанием дела она их оглядывает, касается их руками, деловито откладывает в сторону. Они ей знакомы, дороги, привычны — она их не оставит. Женщина меня притягивает, мне хочется заразиться её лёгкостью, энергией, но все-таки выхожу из комнаты. Встреча с книгами требует тишины. Долго не выдерживаю, тем более, что понимаю — моё присутствие не остановит её — она приехала за книгами!

Разговор завязывается ещё до того, как я вхожу в комнату, как будто мы уже веками знакомы и говорим со знанием дела, сокращая знакомые фразы, слова – азбука Морзе для посвящённых.

— Как приятно, когда люди понимают друг друга с полуслова, опираясь на одни и те же книги, понимание, что такое хорошо, а что такое плохо! На единицу времени и пространства можно поместить гораздо больше смыслов! Это так приятно!

— Жалко, что нам не удаётся создать этого единения со своими детьми. У них другие языки, другая культурная основа и даже если их растить на тех же самых книгах и принципах, они их воспринимают совсем по-иному. Кто из нас прав? Тут нет правых, каждый для своего времени прав...воистину, время диктует свои права и сегодня это их время...

Я рассказываю о поразившем меня случае, когда мальчик, воспитанный ещё в привычной мне языковой среде, на близких и знакомых мне литературных и культурных примерах, воспринял всё совершенно иначе, чем я бы могла ожидать. Там, где мне казалось очевидным одно, ему открывалась совсем иная суть, диаметрально-противоположная моей. С ним мы тоже говорили на полу фразах, полусловах и чем больше мы понимали друг друга, тем больше меня охватывал страх, понимание, что все мои ценности – это только условность, которую можно воспринимать, интерпретировать по-разному... Это выбивало почву из-под ног. – А что со старушкой? – спросила я его, без всякой связи с предыдущим разговором. Ответ был молниеносен и беспощаден: если для дела – то можно! С Достоевским он был знаком, а вот мораль создавал по своему разумению... Книги, образование, интеллект – кумиры нашего уходящего времени – далеко не всегда залог понимания.

У нее был свой рассказ, о мальчишке, прочитавшем «451 градус по Фаренгейту» Бредбери и пришедшему в восторг от возможности отказаться совсем от книг и получать всю необходимую информацию из интерактивного телевидения и других современных средств, без прикладывания нудных усилий на чтение. Источник один, а выводы... нам и во сне не привидятся.

Да и как объяснить поглотителям сегодняшней глобальной информации, социальных сетей и прочих прелестей современного мира, что наше сознание легко управляемо, формируемо и вся наша реальность – это логически обоснованный продукт всех этих средств информации. Как им объяснить, что так было всегда и мы тоже продукт обработки во славу и на пользу кому-то и чему-то... Просто сейчас это проще – напрямую. Как объяснить, что народ КНИГИ – это однозначно плохо? Книг должно быть много, разных, противоречивых, запутанных, несущих информацию, знания с разных сторон, написанных пространно, индивидуально... Как объяснить, что читатель должен сам, только сверяясь со своим внутренним голосом, чутьём, ощущением мира решать, что хорошо и что плохо? Народы КНИГИ сегодня множатся, а книги... *Благословенны читающие!* Нас осталось совсем немного...

— Скажите, Вы считаете, что этого автора стоит читать? Я много слышала о нём, но он же такой левый?

— Читать, непременно! – вопрос застаёт меня немного врасплох — Нельзя делить литературу на правую-левую, мою — не мою. Это серьёзный, думающий автор. Что может быть лучше, чем сомнение, возникшее после прочтения книги. Сомнение в собственной правоте, в собственных знаниях... Потребность выяснить, уточнить, понять... пересмотреть...

Книга, заставляющая тебя проникнуться симпатией к другому, непохожему, незнакомому... испытать неподдельный интерес к неведомому, отправиться в путь без конца и без края... *Благословенны сомневающиеся!*

Книжная комната...

Мужчина ныряет туда и уходит с головой... Мы заняты с другими посетителями, и я с удивлением вспоминаю об его присутствии только, когда он неожиданно выныривает на поверхность. У него в руках всего одна книга:

— Взял на память о детстве. У меня было такая в те годы... — повисшая в комнате тишина смущает, и он добавляет, как будто оправдываясь — остальное у меня уже есть...

А ведь есть в этом что-то! Конечно, нам сегодня важно количество, но в его поступке столько достоинства... Милые мои, ведь вам не нужна жалость? Вы достойны уважения и честности. Самое время гордо тряхнуть головой и окропить всех нас каплями свежей воды! Толпу нам так и не удалось создать... В последние дни я сама пытаюсь не заходить туда, а если и приходится, то пытаюсь не смотреть, отвожу глаза. Книги разбросаны на полу, на столе, покосились на полках. Не для кого больше держать фасон, прихорашиваться, гордо выпрямлять спину. Может сложить их поаккуратней? Боюсь, что нервы не выдержат, да и какой в этом смысл? Теперь это самый что ни на есть книжный развал, распад, ими, как и мною овладело спасительное безразличие... будь что будет...

— Что вы собираетесь делать с книгами? — звонок в последний вечер перед нашим отъездом. — Книги нельзя выбрасывать! Это невозможно! Я приду и заберу всё, что смогу унести. Если надо приду ещё, и ещё, и ещё. Это же святое и это ваши книги — для меня это будет память. Нельзя выбрасывать книги.

Как в волшебной сказке. В самый последний момент прекрасный рыцарь, на белом коне спасает отчаявшуюся принцессу, предназначенную, против своей воли, другому.

Да, он не говорит и не читает по-русски, иврит для него — это язык работы и общения с местным населением, родной у него арабский. Когда-то он снимал квартиру у моих родителей и остался навсегда благодарным и преданным другом, сначала им обоим, а после смерти папы — настоящим другом и опекуном для мамы. Его забота о ней подчас кажется чрезмерной, он на расстоянии чувствует перепады её настроений, звонит поддержать, подбодрить и не на шутку переживает за её здоровье.

Он приходит с твёрдым намерением спасти книги близких ему людей. Я опять могу посмотреть книгам прямо в глаза и расписываю их достоинства, рассказываю об их историях, на иврите пересказываю содержание... Комната наполняется голосами, смехом, жизнью. В его глазах неподдельный восторг, восхищение и признательность. Моё робкое недоумение с лихвой перекрывается благодарностью и облегчением. Я знаю, что у него русская подруга-художница и уговариваю себя, что она-то наверняка их прочитает. Он выносит огромные связки книг, добавляет к ним несколько моих старых картин, папины книги по медицине. В его машине больше нет места. — Я приеду завтра, непременно. Нельзя выбрасывать книги. Он светиться от счастья. Я чувствую себя немного неловко. Его неподдельный восторг и непоколебимое желание помочь заставляют усомниться в реальности происходящего.

Вот только количество книг, каким-то волшебным образом, продолжает оставаться прежним... Книжная комната... Лакмусовая бумажка, проявитель истины, вне языка, вне слов, вне времени...

И был ещё звонок.

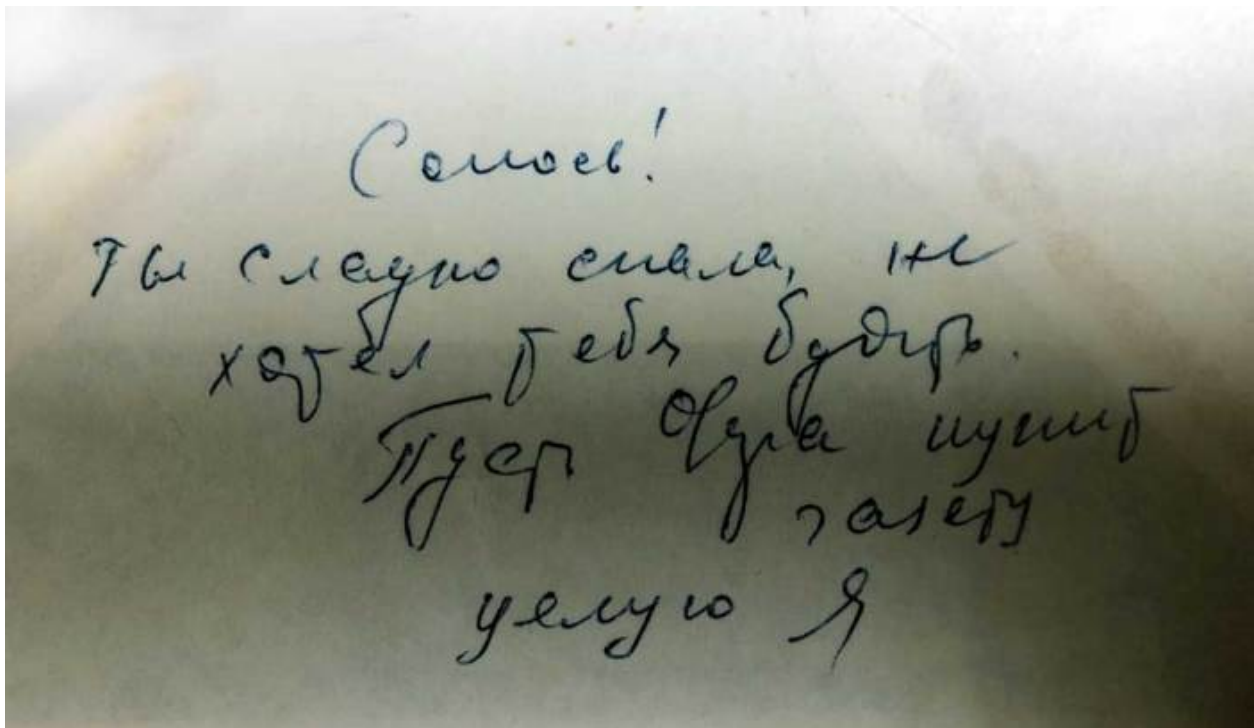
— Мама, я звоню сказать тебе огромное спасибо! Книги, которые ты мне купила в Лондоне — они просто потрясающие. Я читаю и не могу оторваться. После них мне кажется, что всё в мире возможно, что я смогу всё понять и во всём разобраться. Он пишет о невероятно сложных вещах так четко и ясно, он даёт ключ к пониманию такого количества сложных, на первый взгляд, вещей, событий, явлений.

Мой младший сын. Я замираю от счастья и чувствую, что слёзы радости вот-вот брызнут из глаз.

— Я очень рада за тебя. Как у тебя дела?

— У меня всё в порядке. Я должен был позвонить и поблагодарить тебя. Когда я закончу читать, мы обязательно должны поговорить, обсудить. Хорошо?!***

*** Разговор шёл о двух книгах Юваля Харари — «Sapiens. Краткая история человечества» и «Homo Deus. Краткая история будущего».

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ...

— Куда ты пропала? Я звоню уже несколько раз, твой телефон не отвечает! Уже не знал, что и думать! – возмущённый голос моего мужа не даёт мне сразу прояснить ситуацию. Его телефонный звонок застаёт меня именно в тот момент, когда я возвращаю своему мобильному звук, на выходе с кладбища.

— Со мной всё в порядке, просто выключила звук. Я на кладбище...

Так себе получился ответ... Это я понимаю сразу же, как только замолкает мой голос. На том конце связи тоже наступает недоуменная тишина.

— Что вы делаете на кладбище? Вы ведь должны были сегодня отправлять контейнер с мамиными вещами.

— Мы уже всё благополучно отправили. Я ещё в сентябре обещала маме, что пойду с ней перед отъездом на кладбище, не хотела пускать её одну, вот мы и решили, что сейчас это единственно-свободное время. – Ощущаю себя эдакой тетушкой в сером костюмчике на все пуговицы с платочком на голове. Даже моя речь приобретает какие-то смиренные оттенки. Видимо для окончательного завершения трансформации, я важно добавляю – Мы были на могиле твоих дедушки и бабушки. Я там немного почистила, и мы зажгли свечи...

— благопристойный вздох вылетает из моих уст и удовлетворённо приземляется на моём правом плече.

— Я тебе невероятно благодарен – в голосе неприкрытая усмешка – Эй, с тобой всё в порядке? – уже почти смех – Ты забыла? Ты говоришь со мной! К чему этот спектакль?

Мой скромный костюмчик серого цвета на все пуговицы, вместе с воображаемым платочком на голове, в одно мгновение соскальзывает к моим ногам, оставляя меня совершенно голой посреди иерусалимского кладбища...

Так мне и надо! Лицемерка, лгунья, конформистка! Одно дело сопровождать маму, заботясь о ней, другое – предавать саму себя, придавая важность моменту, который для тебя таковым вовсе и не является. ... поставила свечи...

Всю оставшуюся часть разговора, я ощущаю, как горят мои щёки и пытаюсь быть максимально собой. Мне неловко...

— Ладно, скоро увидимся. Спасибо, что вовремя схватил меня за руку. Скучаю по тебе, очень.

В действительности, на мне нарядный костюм бордового цвета, сапоги на каблуках и тщательно уложенная прическа. После кладбища мы идём в гости. Правда только в том, что я не хотела отпускать маму одну, а для неё этот визит важен.

Я не люблю кладбища... Не вижу в них смысла. Мой мятежный дух отказывается поселять родных и любимых мне людей в этих квадратных метрах, в земле, на радость подземной живности, замурованными в стены. Меня отпугивает и угнетает это скопление камня на месте былых жизней, отталкивает строго ограниченное пространство могил, скученность, даже сантименты, вбитые в каменные плиты. Нельзя оставлять тех, кого ты любил и любишь в этом месте ужаса и скорби. Имя, высеченное на холодном камне, для меня никак не олицетворяет дорогих мне людей. Даты через черточку – условность, упражнение по математике, ущербное вычитание...

Все эти годы я прихожу сюда исключительно, повинуюсь дочернему долгу. Каждый раз я заранее пытаюсь найти оправдание самой себе... Жить в ладу со своим видением мира, со своей совестью и правдой, не вредя окружающим, не рана, не обижая – совсем не простая задача. Каждый раз, приходя сюда, я пытаюсь найти точки соприкосновения, пытаюсь придать хоть какую-то значимость моменту... Я приглашаю вольнолюбивые души моих родных на встречу около их могил и испытываю мучительный стыд, дискомфорт... простите, любимые, что здесь... Вас тут нет... Мне не нужны остановки для памяти. Вы часть меня и наши встречи не нуждаются ни в определённой территории, ни в памятных датах, ни в напоминаниях.

Наверно бабуле мои рассуждения показались бы святотатством, а возможно она бы и поняла их. Сколько лет прошло, а рука так и тянется к телефонной трубке – позвонить, рассказать, поделиться... Я сама теперь бабуля. Научила свою внучку-малышку так себя называть и когда среди детской умильной речи, исключительно на иврите, вдруг звучит призывное «Бабуля!», я таю, растворяюсь от счастья. Вот только, когда кто-то говорит ей – подойди к бабуле – я оглядываюсь в поисках тебя, моя родная. Твоё присутствие в моей жизни так же реально, как и всех вокруг меня, как и существование меня самой.

Дедуля ушёл первым. Трагично, не вовремя... Эта рана оставалась открытой и кровоточила многие годы.

А потом... Австрия, Альпы... Мы и оглянуться не успели, как сгустились сумерки, и мы с детьми оказались на горной дороге, ведущей круто в верх, без места на ночлег. Видимо для таких вот нерадивых туристов кое-где на дороге были установлены телефонные будки со списком ближайших отелей.

С трудом справившись с немецким, мы записали адрес ближайшего из них и через какое-

то время, после крутого подъёма в крошечной темноте прямо носом уткнулись в слабо освещённые ворота, за которыми виднелось достаточно массивное здание причудливых форм. Хозяйка провела нас в большую залу, которая по совместительству оказалась то ли пивной, то ли рестораном. Несмотря на позднее время, мы с удовольствием заказали немудрёную деревенскую трапезу. Только сейчас мы стали замечать что-то необычное,стораживающее в этом месте, странные взгляды, обращённые на нас со всех сторон, навязчивые вопросы со стороны хозяйки. Каждый раз получив ответ, она направлялась к остальным посетителям и что-то объясняла им, кивая в нашу сторону. Было что-то жуткое, неуютное в этой старинной зале, в этих лицах, в этих взглядах. Мы постарались побыстрее разделаться с едой, решив, что, переночевав, с самой зари, мы сразу отправимся в путь и не останемся здесь даже на завтрак. Комната, в которую привела нас угрюмая хозяйка, была огромной и почти пустой. Посередине стояла небольшая двуспальная кровать, к которой, в ногах, были приставлены две раскладушки для детей. И всё... Ещё раз бросив на нас пристальный, пыливый взгляд, хозяйка молча покинула комнату, а мы поспешили поскорее забраться под одеяла и перекантоваться в этом странном месте до утра. Я провалилась в сон, но выдавшие виды простыни, шершавые, с катышками, колющее одеяло, будили меня с каждым движением. Сон был беспокойный, настороженный...

— Любчина, ты не спишь? – голос дедули, знакомый до слёз... Со дня его смерти прошло почти три года. Я понемногу привыкала думать о нём без отчаяния, без невыносимой боли... Я пытаюсь не отводить глаза, наталкиваясь на его фотографии...

— Ты ведь не спишь? Я знаю, что не спишь... Я здесь, совсем рядом. Когда ты путешествуешь, я всегда с тобой. Помнишь, как я мечтал о путешествиях? всю жизнь... Не получилось... Много чего не получилось... Я не жалею... Каждому своя судьба... Прости, что ушёл, не попрощавшись... Порой нужно уйти, чтобы остаться навсегда... Не печалься – я сейчас намного ближе к тебе, чем был даже раньше. Я в твоём сердце, в твоей душе, меня ни с кем не надо делить. Я твой! Я теперь для каждого, кто меня любит и помнит, свой! Смешно... Любчина, помнишь, как мы здорово умели молчать. Просто молчать и быть рядом. Ты мне говорила, что это высшее счастье! Знать, что мы есть у друг друга...

Я боюсь пошевелиться, голос завораживает, успокаивает, манит. Шершавые простыни мешают физически и я, пытаюсь не нарушить видение, не разбудить мужа и детей, на цыпочках перехожу от постели к окну. Глубокая ночь. За окном не видно ни зги. Между мной, тщётно всматривающейся в крошечную тьму и мирно спящей семьёй, невидимое присутствие дедули. Его, слышимый только мне голос, заполняет всё пространство этой необычной комнаты. Стоит только повернуть голову влево, и я возможно увижу его, но мои глаза приковала тьма, а внутри свинцовая тяжесть. Слова проникают в меня, переполняют любовью, покоем...

— Когда ты путешествуешь, я смотрю на мир твоими глазами. Это даже интереснее, чем путешествовать самому. Давай договоримся, что ты будешь много путешествовать. Ты мне покажешь этот мир, а я буду твоей защитой, а наше умение молчать будет тому порукой. Молчим?

Его голос затихает, а я так и продолжаю стоять перед окном, до самого рассвета...

Постепенно перед глазами проявляется старая церковь, часовня которой находится прямо на уровне моих глаз, а между ней и домом, в котором мы заночевали, у его подножья - вечный покой старого церковного кладбища...

Иерусалимское кладбище... ничего личного... ничего лишнего... нога в ногу, ступня за ступнёй, по узким проходам между ровными, серыми прямоугольниками могил.... Редкие проблески чахлой зелени, обычно посаженной прямо в могильные плиты, вызывают сожаление... Жизнь, вскормленная смертью, удручает и пугает меня... В этих камнях замуровано прошлое... некогда живое, а ныне и поныне, и навеки... останки, прах... Это целый город, со своими улицами, переулками, площадями... со своими высотками, чванливыми виллами, семейными коттеджами, а больше с однообразными стройными рядами хрущевок, облицованных неприменным иерусалимским камнем ... Город мёртвых, парящий над городом живых. Гора Упокоения... Говорят престижное место! Из живого, только жирные жуки, важно переходящие узкие дорожки между могил. У них тут работы видимо невидимо... Летом, палящее солнце превращает всё, что ни камень, в пыль, а в период дождей, снегопада... странно, я никогда не была здесь зимой... наверняка, холоднее и пустынее, чем внизу, в городе живых.

однообразие, окаменелость, конец...

Разбор старых бумаг, чреват находками...

«Здравствуй дорогая бабуленька! Прошёл ещё один год, а я так и не научилась писать сочинения о близких людях. Когда любишь — трудно объяснить за что».

Письмо, написанное аккуратным детским почерком, в далёком 1972-ом году. Признание в любви или взгляд в себя: кто я? что для меня важно? что твоего во мне?

Я вглядывалась в тебя всю жизнь, иногда с восхищением, порой с досадой, всегда с любовью, замороженная остротой твоего ума, пленённая неутолимой страстностью, беспощадной честностью, в первую очередь, по отношению к себе, умением переосмыслить, покаяться, не опустив глаза, не потеряв внутреннего достоинства...

В письмо вложена крохотная записка, написанная много лет позже: *«Если ты всё ещё так думаешь, сохрани это письмо»* ...

Сколько таких записок, пометок, приписок разбросано по всем её вещам. Написанных без всякой надежды на прочтение, или наоборот, с непоколебимой уверенностью, что кто-то из любимых и дорогих её сердцу найдёт, прочтёт, услышит. Исконное знание, что именно так и будет... всему своё время... Она ушла из жизни властно и стремительно, презрев смерть со всеми её атрибутами, не оставляя и тени сомнения в своём незримом присутствии в жизни тех, кто был ей дорог. Её записки ведут за собой, выводят на неведомые тропы, открывают волшебные двери, заставляют остановиться, оглянуться, озадачиться...

Кладбище? Каменный саркофаг? На её могиле свеча не горит, даже не загорается! Так и вижу, как она усмехаясь тушит её каждый раз и говорит то ли в шутку, то ли всерьёз: «А это ещё зачем? Я пока ещё здесь и исчезать не собираюсь!»

Иерусалимское кладбище... ничего личного... ничего лишнего... нога в ногу, ступня за ступнёй, по узким проходам между ровными, серыми прямоугольниками могил.... Плита с папиным именем и датами жизни на третьем этаже высотки, парящей над вечным покоем горы Упокоения, обращена в сторону Иерусалима.

Папа... Я до конца не верила тебе... Не верила твоей дряхлости, слишком ранней старости, потере интеллекта, беспомощности... Ты, вечно ищущий, неизменно стремящейся к новым высотам, идущий наперекор всему, следуя за своей мечтой, правдой, ты не мог так просто исчезнуть из своей же собственной оболочки... Видя тебя, неподвижно сидящим в кресле, с потухшим взглядом, я каждый раз пыталась уловить хоть искру тебя былого: вечного фантазёра, мечтателя, знатока всего на свете... Тщетно... Видеть тебя таким было для меня огромной мукой... Я не верила тебе... Не хотела верить.

Редкие звуки, которые ты произносил в последние месяцы и те давались тебе с трудом, но однажды...

Ты сидел на инвалидном кресле у открытой двери балкона. Твой взгляд был обращён в небо, а пересохшие губы с невероятным трудом произносили какие-то слова. Ты был настолько поглощён этим процессом, что даже не обратил внимание на то, что ты не один в комнате.

Ты читал стихи... Мучительно выискивая позабытые слова, повторяя строчки, неотрывно глядя на небо:

Тучки небесные, вечные странники! Степь лазурную, цепью жемчужною Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная? злоба ль открытая? Или на вас тяготит преступление? Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные... Чужды вам страсти и чужды страдания; Вечно холодные, вечно свободные, Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Это был мой папа, вернувшийся из такого далёко, куда уходят только по собственной воле. Сам себя создавший и сам себя разрушивший... Утративший интерес ко всему?

«Тучки небесные, вечные странники!» ...

...простите, любимые, что здесь... Вас тут нет... Мне не нужны остановки для памяти. Вы часть меня и наши встречи не нуждаются ни в определённой территории, ни в памятных датах, ни в напоминаниях.

Я опять отправляюсь в путь, сквозь тучи, выше облаков, пересекая моря и океаны, паря над лесами и горами, городами, странами... Папа, Дедуля, вы со мной?

А там, ко мне бросится моя малышка-внучка и будет повторять с каждым поцелуем: Бабуля! Бабуля! Бабуля!

Один раз бабуля — я, один раз бабуля — Ты... и жизнь, без конца и без края!

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

— Всё собрала? — Видимо, да... — Ты уверена, что они заберут всех? — Надеюсь. Я сказала, что их много, но она ответила, что много не бывает, и они будут рады приютить всех. — Чудно...

Он закрывает заднюю дверь машины и возвращается к своей работе. Над ровными рядами домов опускается сумрак, кое где зажигаются желтые прямоугольники света, от них веет уютом, теплом, домом...

Ещё несколько минут сижу в машине, не совсем доверяя своей удаче. Как-то уж очень легко разрешилась проблема, мучавшая меня последние несколько месяцев. Все говорили, что это практически невозможно, а тут... много не бывает... Тринадцать одинаковых коробок за моей спиной подозрительно притихли, ни шороха, ни движения, ни вздоха. Не хотят доставлять мне дополнительные трудности? Конечно они все понимают... ума им не занимать, да и такта и, очень надеюсь, понимания. Я не могу взять их с собой. Так получилось. Ни я первая, ни я последняя. Так бывает. Я хочу вам лучшей доли, хорошей и долгой жизни, но... Слава богу, мне повезло. Я смотрела на эту девушку как зачарованная, виданное ли дело — много не бывает! Бросив последний взгляд на заднее сиденье и открытое внутрь пространство багажника, я медленно нажимаю на газ.

— Вам там будет хорошо, вас там будут любить, посещать, брать на руки, слушать, пытаться понять — я боюсь замолчать, задуматься и продолжаю убаюкивать их, а больше свою

совесть, которая, несмотря ни на что, не даёт мне покоя. Они молчат, но в их молчании столько упрёка, страха, обречённости. Как странно устроен мир... Для одних, они самые желаемые, а для кого-то ненужная обуза, кто-то за них готов жизнь отдать, а кто-то от них готов избавиться любой ценой. В роли второго «кого-то», в этой истории выступаю я. Но с другой стороны, я ведь сделала всё возможное и даже нашла...

Опаздываю всего на четверть часа. Приют погружён во тьму и только в сторожке сбоку светится одинокое окно. Меня охватывает настоящая паника. Я отчаянно давлю на кнопку звонка – откройте! не оставляйте меня наедине с ними! Резкий звук звонка прорезает тишину, но видимо не достигает слуха, тех, кто внутри. Возвращаюсь в машину и цепенею от ужаса – почти ночь, здесь мне негде остаться, там, где я могу переночевать, им места нет...Тишина оглушает меня. Помощи ждать не от кого.

— Женщина, вам кого? – Мужчина в униформе заглядывает в окно машины. Я называю ему имя девушки, обещавшей принять у меня мой драгоценный груз. – Она уже ушла, а я тут только охрана. Завтра приезжайте, говорит он доброжелательно.

— Мне некуда с ними ехать, помогите, пожалуйста.

Он уходит в каморку, кому-то звонит и возвращается, широко улыбаясь — Ну вот, директор согласился взять двоих – это всё, что мы можем себе позволить. Кого забирать?

— Только двоих? – это слишком похоже на правду, на ту самую правду, в которую я не хотела верить. Много не бывает – это старая сказка, мираж, испарившийся, как и фея-девушка, повстречавшаяся мне неизвестно где и когда. – Только двоих? Можно я поговорю с директором? – что-то в моём голосе заставляет мужчину в униформе, тяжело вздохнув, позвонить начальству ещё раз.

— Он скоро подойдёт. Может всё и обойдётся... — говорит он сочувственно – Я бы и сам их взял, вот только у самого семеро по лавкам, да и говорим мы на разных языках... Слишком сложно...

Из дверей приюта выходит человек. Перед собой он толкает коляску. Даже в темноте, издали, видно, что больше двоих в неё не поместятся. Уговаривать нет смысла. Он непреклонен. – Скажи спасибо, что тебе пообещали раньше. Мы вообще никого не принимает. И язык у них другой – кому они будут нужны, проблем не оберёшься потом. – Он выхватывает первых двух попавших на глаза и укладывает в коляску. Укладывает бережно... Его аккуратные, мягкие движения явно диссонируют с непреклонностью в голосе. На какое-то мгновение у меня появляется надежда: возьмите ещё... не разлучайте, пожалуйста... — шепчу ему вслед. От неожиданности он оборачивается, и мы сталкиваемся глазами. Сочувствует или ненавидит? Молча, поставив коляску на предохранитель, он подходит к машине и вытаскивает ещё одну коробку. – На этом, ВСЁ! – Взгляд в сторону, и он вместе с коляской растворяется в темноте.

— Ну, вот видишь, — сторож вздыхает сочувственно – Хорошо хоть так...

Теперь уже совсем ночь. Улицы опустели. Я сижу в темной машине и пытаюсь привести свои мысли в порядок. Осталось десять, из которых троим желательно не в приют, а в больницу. Это слишком явно... Совсем недалеко отсюда открылась новая поликлиника.

Отчаяние сменяется неожиданной злобой и переходит в ехидное злорадство: хотела бы я на вас посмотреть! Как вы пройдёте мимо? Клятва Гиппократата вам знакома?

Резко срываюсь с места и направляюсь к новенькому, как с иголки, гиганту медицинского обслуживания. Его вход ярко освещён, несмотря на давно закончившийся рабочий день.

Выхожу из машины и деловой походкой направляюсь к парадному входу. Дверь в фойе открывается с лёгкостью. Внутри ни души, но тут тепло и светло. Бегом в машину и вот уже три коробки пристроены. Жалко, что не увижу, как они пройдут мимо! Да не пройдут... Не смогут... Родные, до утра — потише, а утром — во весь голос! За вас я спокойна...

Осталось ещё семь... Дорога успокаивает, и я бесцельно колешу по этому перенаселённому пригороду большого города. Где-то в городе есть ещё приют. Говорят, что там принимают всех. Вот только как туда доехать — не знаю. — Чисто практические вопросы, занимающие меня сейчас, немного заглушают угрызения совести, боль вынужденной утраты, навязчивые вопросы морали. — Так надо! Надо найти решение. Как доехать до этого приюта? Говорят, он где-то прямо на остановке автобуса. Там и народу побольше и спрос повыше... Автобус, подгоняющий меня сзади, просигналил мне фарами и, обогнав слева, перегородил дорогу, остановившись на своей законной стоянке. Запоздалые пассажиры вышли из задней двери и разошлись по своим домам. Только сейчас замечаю, что все автобусные стоянки в этой части района, застеклены и освещены. Утром тут наверно народу видимо невидимо. А что если?

Семь коробок — семь остановок... Ощущаю себя настоящим преступником, ночным нарушителем правопорядка. Правда я не ворую, а подкидываю, но всё равно... Меня охватывает беспричинное веселье. Выискиваю пустынную остановку, паркую и, взяв очередную коробку, деловито переношу её под стеклянный покров. Пожалуйста, будь потише, а завтра — во весь голос!

Откуда-то и силы берутся, и задор, и какое-то опьянение свободой. Сладость недозволенного, преступного. Хочу я на вас посмотреть, проходящими мимо! Не бомбы подкидываю, не орущих младенцев, не заразу какую-то вредную. Я подкидываю вам КНИГИ!!! Богатства, потерявшие свою ценность, обесцененные электронной цивилизацией, презренные, заброшенные, отвергнутые...

— **Где ты так долго была? Я уже начал волноваться.**

— **Я сеяла разумное, доброе и вечное! Почва, правда тяжелая, но кто знает — может и взойдёт...**

Так закончилась эпопея, начавшаяся в рассказе **Книжная комната**, с книгами из дома моих родителей.

Назавтра, как преступник, возвращающийся на место преступления, я первым делом объехала все места, где были оставлены мои подопечные. Книги по медицине исчезли сразу — верю, что попали по назначению. На некоторых стоянках книги перекочевали из коробок на скамейку, и их количество заметно уменьшилось. В приюте, который по совместительству обычный торговый центр — они были расставлены на трех книжных стеллажах (благословенная инициатива).

Да и с каких это пор, раздача книг — это преступление? Возможно все дело в ночи... Но ведь после тьмы всегда наступает рассвет..., и кто знает?

— **Ищу книгу! За любые деньги! Бумажную, живую, читанную...**